

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6644380>

УДК 347.411

Малькова Е.Г.

Малькова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5. E-mail: e-malkova@mail.ru.

Становление и развитие института неосновательного обогащения в российском гражданском праве: историко-правовое исследование

Аннотация. В статье проанализированы историко-правовые закономерности становления и развития института неосновательного обогащения как социально-экономического и правового явления. В ходе исследования были рассмотрены: преемственно сформированное содержание заявленной категории, его историческая роль в развитии механизмов реализации гражданских прав и обязанностей, а также связь выявленных закономерностей с современными тенденциями отечественной правовой действительности. В качестве результата проведенный анализ взглядов представителей отечественной правовой доктрины в контексте эволюции института неосновательного обогащения позволил составить подробное представление о генезисе отдельных форм, составляющих предмет кондикционного обязательства – категориях «приобретение имущества» и «сбережение имущества». В ходе исследования также были сделаны выводы теоретического и практического характера, которые могут быть полезны для дальнейшего изучения дискуссионных вопросов в рамках института неосновательного обогащения.

Ключевые слова: институт неосновательного обогащения, историко-правовое исследование, кондикционное обязательство, кондикция, неосновательное обогащение, приобретение имущества, сбережение имущества.

Malkova E.G.

Malkova Elena Gennadijevna, Candidate of Law, Associate Professor, The North Western branch of The Russian State University of Justice, Russia, 197046, Saint Petersburg, Alexandrovsky park, 5. E-mail: e-malkova@mail.ru.

Formation and development of the institution of unjust enrichment in Russian civil law: historical and legal research

Abstract. The article contains analysis of the historical and legal patterns of formation and development of the institution of unjust enrichment as a socio-economic and legal phenomenon. In the course of the research, the following questions were determined: the successively formed content of the declared category, its historical role in the development of mechanisms for the implementation of civil rights and obligations, as well as the relationship of the identified patterns with modern trends in domestic legal reality. As a result, the analysis of the opinions of representatives of the domestic legal doctrine in the context of the evolution of the institute of unjust enrichment made it possible to get a detailed idea of the genesis of individual forms that make up the subject of the conditional obligation – the categories “acquisition of property” and “saving of property”. The research also drew conclusions of a theoretical and practical nature, which may be useful for further study of debatable issues within the framework of the institution of unjust enrichment.

Key words: institution of unjust enrichment, historical and legal research, unjust enrichment obligation, condition, unjust enrichment, acquisition of property, saving property.

Отечественные правовые устои с давнего времени содержат в себе упоминания об институте неосновательного обогащения. Отмечается, что его базисом выступают работы дореволюционных ученых-цивилистов [6, с. 17]. С тех пор институт неосновательного обогащения претерпел процессы интенсивного развития и в современном виде представляет собой комплекс систематизированных правовых норм, регулирующих обширный круг правоотношений.

Следует отметить, что доктрина российского гражданского права в вопросах регулирования общественных отношений, связанных с неосновательным обогащением, всегда существенно опережала собственно законодательные процессы: теоретико-правовое оформление института неосновательного обогащения связывается с ранним периодом становления Российской империи, в то время как законы того времени соответствующие нормы в себе не содержали. Представляется, что передовой характер правовой доктрины связан, прежде всего, с традиционными для того периода процессами рецепции римского права.

При этом следует акцентировать внимание на представлениях дореволюционных авторов о центрообразующей категории в рамках рассматриваемого института – «обогащение».

Например, Д.Д. Grimm подробно рассматривал категорию обогащения в процессуальном аспекте, а именно, с позиции исковых притязаний, возникающих у одного субъекта по отношению к другому по поводу возврата излишне приобретенных ценностей за чужой счет. При этом ученым были дополнительно отмечены следующие признаки исковых притязаний подобного рода:

- объем исковых требований должен быть ассоциирован с размером обогащения, выраженным в денежном или ином традиционном эквиваленте. Иными словами, размер обогащения одновременно

должен являться пределом гражданско-правовой ответственности виновного субъекта;

- возникновение права на обращение в суд обусловлено моментом совершения акта обогащения одного лица за счет другого, а прекращение – соответственно устранением рассматриваемого нарушения гражданских прав [6, с. 29].

В свою очередь, Л.И. Петражицкий, рассуждая о предмете и размере кондикционного обязательства, также связывал его с понятиями «действительное обогащение» (в материально-правовом смысле) и «действительная польза ответчику» (в процессуально-правовом смысле) [12, с. 32-33].

Если же говорить о нормативно-правовом оформлении института неосновательного обогащения, то следует обратить внимание на финальную редакцию проекта Гражданского уложения Российской империи (1814 г.), в которой находим формулировку следующего содержания: «Никто не имеет права обогащаться на чужой счет без законного основания. Лицо, добросовестно получившее от кого-либо имущество или имущественную выгоду без законного основания, обязано возвратить полученное или стоимость его в размере сохранившегося обогащения или сделанного сбережения» [11, с. 170].

Как видим, законодатель потенциально связывал возникновение неосновательного обогащения не только с присвоением какого-либо имущества, но и с извлечением некоего рода имущественной выгоды без законных на то оснований.

В связи с описанным подходом законодателя, представители правовой доктрины, рассуждая над толкованием указанной нормы, отмечали, что извлечение тех или иных выгод имущественного характера может быть осуществлено из следующих благ: право собственности на вещь; право владения вещью; право пользования чужой вещью или услугой; право требования и

другие права, возникновение, изменение и прекращение которых повлекло за собой обогащение стороннего лица в отсутствие встречного представления [14, с. 121].

Особым образом следует упомянуть о сценарии, связанном с правом пользования чужой вещью или услугой. В данном случае в юридической литературе рассматриваемого периода также применялся термин «сбережение», по своей сути отождествлявшийся с «обогащением». Согласно устоявшемуся в то время правопониманию, под сбережением понималось отсутствие материального отчуждения, сопоставимого тому размеру, на который должно было уменьшиться имущественное благосостояние лица вследствие пользования чужой вещью или услугой [6, с. 13]. Например, правовым последствием пользования чужой квартирой без законных на то оснований является сбережение денежной суммы, эквивалентной средней стоимости арендной платы за то же самое жилое помещение или жилье, сопоставимое по размерам и другим условиям.

Из рассмотренных подходов, существовавших в дореволюционной догматике, представляется справедливым сделать промежуточный вывод о том, что возникновение в гражданских правоотношениях явления под названием «обогащение» может быть связано с весьма разнообразными юридическими фактами.

Кроме того, анализ теоретико-правовой мысли рассмотренного периода позволяет выделить следующие характеристики кондикционного обязательства:

- в материально-правовом смысле основанием возникновения кондикционного обязательства следует считать правовое явление под названием «обогащение», выражающееся в необоснованном присоединении к имущественной массе одного лица новых материальных благ за счет другого лица, либо в извлечении некоего рода имущественной выгоды без законных на то оснований;

- в процессуально-правовом смысле «обогащение» также будет являться осно-

ванием для возникновения требований искового характера.

При этом позитивное правовое регулирование на указанном этапе не отличалось соответствующим уровнем нормативно-правовой осознанности института неосновательного обогащения. При наличии несколько «обнадеживающих» формулировок, сдержавшихся в проекте Гражданского уложения Российской империи, тем не менее, на практике при регулировании рассматриваемых жизненных ситуаций применялась общая норма о праве на вознаграждение за понесенные вред и убытки, согласно которой «никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред и убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производить право требовать вознаграждение» [21, с. 103].

Как и во многих других областях науки и практики, коренные изменения в функционировании дореволюционных устоев были связаны с установлением советского периода отечественной государственности (1922-1991 гг.) Постреволюционные изменения коснулись, в том числе, и гражданского права, в частности – представлений об институте неосновательного обогащения, причем как в доктринальном, так и в прикладном смысле.

Так, в Гражданском кодексе РСФСР (далее – ГК РСФСР) (1922 г.) впервые на законодательном уровне была включена группа норм об обязанности возврата неосновательного обогащения. Согласно ст. 399 ГК РСФСР (1922 г.), «обогатившийся за счет другого без достаточного, установленного законом или договором, основания обязан возвратить неосновательно полученное» [5].

Указанное законоположение находило свою конкретизацию в следующей по порядку статье, в соответствии с которой устанавливались объем и порядок возврата неосновательно приобретенного или сбереженного имущества. Здесь находим некоторые существенные отличия по сравне-

нию с дореволюционными представлениями о кондикционном обязательстве.

Так, если ранее в предмет кондикционного обязательства входил только тот объем, что был равен фактической разнице между предшествующим и последующим объемом благосостояния лица, чьи имущественные интересы были нарушены, то по ГК РСФСР (1922 г.) в данной формуле следовало:

– добавлять сумму доходов, извлеченных с момента возникновения такого обогащения до момента восстановления нарушенных прав;

– при необходимости – также добавлять сумму возмещения, связанную с ухудшением состояния имущества, возникшим за период неосновательного владения, пользования и / или распоряжения им;

– но при этом вычитать сумму расходов, понесенных приобретателем в отношении конкретного имущества.

Совершенно очевидно, что описанные изменения в нормативно-правовой регламентации порядка возврата неосновательного обогащения имели ключевое значение для дальнейшего вектора развития рассматриваемого института в целом. Например, нельзя не отметить в качестве правового последствия значительное ухудшение положения кондикционного должника, вызванное расширением объема возмещаемой имущественной массы.

Неудивительно, что в первое время после принятия ГК РСФСР (1922 г.) у нового подхода находились как сторонники, так и противники. Например, В.А. Рясенцев отмечал, что неосновательное обогащение, само по себе, является правовым явлением, имеющим место быть только при рыночном, капиталистическом укладе, в то время как тенденции по ликвидации частной собственности, характеризовавшие государственную политику того периода, по сути уничтожали предпосылки для возникновения любого рода обогащения [13, с. 556]. Иными словами, соответствующий законодательный механизм не отвечал действительной социально - экономи-

ческой обстановке в государстве. Другой ученый, работавший на стыке двух диаметрально разных по духу (до- и постреволюционного) периодов, А.М. Винавер, даже при новой трактовке закона продолжал придерживаться суждения о том, что возврату в рассматриваемой жизненной ситуации подлежит только действительное обогащение, выраженное в наличном эквиваленте [3, с. 36].

Одновременно с критикой сформировались и положительные отзывы в отношении внесенных в законодательство изменений. Некоторые исследователи даже высказывали предложения о еще более широком объеме возможных возмещений. В частности, были выдвинуты гипотезы о том, что в исключительных случаях следует также учитывать и индивидуальные планы сторон в отношении спорного имущества [16, с. 88].

Кроме того, в советский период намечился значительный прогресс в теоретико-правовом осмыслении категории «сбережение» в контексте функционирования института неосновательного обогащения.

Как было отмечено ранее, в дореволюционный период суждения ученых о категории «сбережение» сводились к оценке субъективной составляющей (речь шла о неких потенциальных расходах, которые приобретатель должен был бы потратить, руководствуясь законопослушными намерениями). В советский же период установился более объективный подход: всякое «сбережение» должно быть компенсировано в виде суммы, которую следовало бы удержать при должном положении дел.

Развитие получила и другая категория, составляющая предмет кондикционного обязательства, – «приобретение».

Так, М.А. Гурвич обосновал концепцию о том, что всякое «приобретение», которое классифицируется под неосновательным обогащением, должно иметь непосредственную причинно - следственную связь с конкретными юридическими фактами, т.е. с установлением, изменением

или прекращением конкретных правоотношений [7, с. 44]. Таким образом, категория «приобретение» получила должное обоснование в качестве не только социально-экономического, но и правового явления.

Законодательные новеллы, установленные в 1922 г., были преемственно изложены в следующем ГК РСФСР (1964 г.), впрочем, без каких-либо существенных изменений в редакции норм, касающихся неосновательного обогащения. Все последующее время советская правовая действительность продолжила воспринимать парадигмы, заложенные в 1922 г. [15, с. 408-410].

Таким образом, советский период развития института неосновательного обогащения был ознаменован следующими прогрессивными воззрениями, получившими соответствующее нормативно-правовое закрепление:

– в качестве основания возникновения и предмета кондикционного обязательства окончательно утвердились категории «приобретение» и «сбережение», дополнительно получившие подробную теоретико-правовую характеристику;

– объем кондикционных требований был поставлен в зависимость от уточненной формулы расчета, включавшей в себя такие элементы, как «сумма доходов, извлеченных приобретателем в результате обогащения», «сумма возмещения, связанная с ухудшением состояния имущества», а также «сумма расходов, понесенных в отношении приобретенного имущества»;

– в целом институт неосновательного обогащения получил должное юридическое «обрамление», более приоритетное по отношению к социально-экономическому аспекту указанного явления.

Дальнейшие реформы, связанные с развитием правового института неосновательного обогащения, обусловлены наступлением современного этапа российской государственности (с 1991 г. по н.в.).

Так, новая юридическая конструкция, вступившая в силу вместе с принятием части второй ГК РФ [4], твердо закрепила объединенную категорию «неосновательное обогащение», в числе составных элементов (форм) которого были названы соответственно «приобретение имущества» и «сбережение имущества». Указанный вывод просматривается как результат толкования п. 1 ст. 1102 ГК РФ, согласно которой «лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему *неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение)*, за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 настоящего Кодекса» [4].

Большинство современных ученых-правоведов благосклонно относится к указанной трактовке, в то время как суждения о неисчерпывающем характере составных элементов неосновательного обогащения, названных законодателем, в удельной доле составляют явное меньшинство [8, с. 92]. В связи с этим, предлагаем подробнее рассмотреть категории «приобретение имущества» и «сбережение имущества», практически единодушно называемые единственными формами неосновательного обогащения [19, с. 36-38].

Так, в части теоретико-правовой характеристики категории «приобретение имущества» отметим следующее.

Абсолютное большинство исследователей склоняются к расширительному толкованию случаев, связанных с приобретением имущества. Например, Д.В. Новак включает в круг объектов, приобретение которых могло бы быть сопряжено с кондикционным обязательством, вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, т.е. объекты гражданских прав, поименованные в ст. 128 ГК РФ [11, с. 217-219]. Одновременно с этим исследователь С.Д. Дамбаров предлагает включать в указанный массив все материальные блага, которые можно оценить в денежном экви-

валенте, например, работы и услуги, а также информацию, обосновывая свою позицию не только правовой, но и социально-экономической природой неосновательного обогащения [8, с. 175].

Тем не менее, из двух представленных позиций большую поддержку получило суждение Д.В. Новака, отождествляющее случаи приобретения имущества с составом объектов, перечисленных в ст. 128 ГК РФ. Указанного мнения придерживаются также Д.А. Ушивцева [19], В.В. Былков [2], Р.А. Кушхов [10], Т.В. Спирина [18], Н.Г. Соломина [17], Е.А. Анчишина [1]. При этом некоторые из них все же с некоторой осторожностью высказываются о возможности обогащения за счет имущественных прав [17, с. 66].

На наш взгляд, в расширительном толковании круга объектов, приобретение которых могло бы быть сопряжено с кондикционным обязательством, не является чем-то предосудительным. В современном гражданском обороте задействовано множество объектов, не являющихся собственностью по смыслу ст. 128 ГК РФ. Явственным подтверждением тому может являться положение п. 1 ст. 1042 ГК РФ, согласно которому «вкладом товарища признается все то, что он вносит в общее дело, в том числе деньги, иное имущество, профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи» [4]. Кроме того, указанная позиция predetermined принципом свободы договора (ст. 421 ГК РФ), согласно которой в круг имущественных интересов могут быть включены самые различные объекты, в свою очередь, потенциально способные стать предметом и неосновательного обогащения.

Следуя ранее заявленной логике исследования, далее предлагаем подробнее рассмотреть содержание категории «сбережение имущества».

Необходимо отметить, что в современной теоретико-правовой трактовке заявленного явления отчетливо просматриваются определения, сформулированные еще в дореволюционные времена. Напри-

мер, Д.В. Новак выражает практически полную солидарность с такими учеными, как Г.Ф. Шершеневич и М.А. Гурвич, и ссылается соответственно на следующие суждения [11, с. 224]:

– «сбережение состоит в сохранении той ценности, которая могла выйти, но не вышла из состава этого имущества [20, с. 148];

– «сбережение имеет место тогда, когда в имуществе сохраняются те ценности, которые должны были быть истрачены» [7, с. 45].

Схожей позиции придерживается и В.В. Былков, понимавший под категорией «сбережение имущества» различные жизненные ситуации, связанные с сохранением средств в обстоятельствах, предполагающих соответствующее расходование средств на основании закона [2, с. 113-115].

В дополнение к традиционным воззрениям в работе А.В. Климовича отмечается, что сбережение имущества имеет место быть в ситуациях, когда один субъект должен был произвести отчуждение своего имущества в пользу другого субъекта, однако по неуважительным причинам не сделал этого [9, с. 87-88].

При этом следует отметить, что доктринальные воззрения о сбережении имущества на современном этапе отечественной правовой действительности все же были вынуждены подвергнуться некоторым уточнениям в связи с новой законодательной трактовкой данного вопроса.

Так, согласно п. 2 ст. 1105 ГК РФ, «лицо, неосновательно временно пользовавшееся чужим имуществом без намерения его приобрести либо чужими услугами, должно возместить потерпевшему то, что оно сберегло вследствие такого пользования, *по цене, существовавшей во время, когда закончилось пользование, и в том месте, где оно происходило*» [4].

Представляется, что выделенное уточнение о порядке определения цены как денежного эквивалента при возмещении, позволяет говорить о том, что под сбережением имущества законодатель

предлагает понимать не столько потенциальную экономию приобретателя, сколько размер денежных средств, эквивалентный пользованию конкретным имуществом.

Указанная позиция, продиктованная риторикой законодателя, в целом была позитивно воспринята и теоретиками права. Как точно отмечает А.В. Климович при толковании норм о сбережении имущества, «речь идет о случаях непредставления эквивалентного возмещения за получение имущественной выгоды от другого лица» [9, с. 92].

Резюмируя современную законодательную конструкцию, отметим, что если ранее для констатации факта сбережения имущества обязательным условием следовало считать наличие необходимости со стороны приобретателя в израсходовании средств при «нормальном» стечении обстоятельств, то в настоящее время данное условие потеряло свою актуальность, и неосновательному обогащению необязательно должна предшествовать какая-либо

необходимость в расходовании средств для получения определенных благ.

Таким образом, проведенный в рамках настоящей статьи историко-правовой анализ института неосновательного обогащения позволил сформировать весьма конкретные представления о правовой природе, сущности и содержании рассматриваемого правового явления. Представляется, что подобное внимание к изучению преемственности, теоретико-правовому осмыслению предшествующего опыта нормативно-правового регулирования заявленного явления может стать одним из катализаторов создания гармоничной, непротиворечивой системы в рамках современного российского права, так как исторический опыт становления и развития института неосновательного обогащения может быть полезен в более совершенном и качественном осознании современных проблем отечественного гражданского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчишина Е.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2010. 185 с.
2. Былков В.В. Проблемы правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. 2004. 211 с.
3. Винавер А.М. Неосновательное обогащение и ст. 147 ГК РСФСР // Право и жизнь. 1925. № 1. С. 36-41.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Гражданский кодекс РСФСР от 11.11.1922 // Собрание узаконий и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. № 71. (Утратил силу).
6. Grimm D.D. Очерки по учению об обогащении. СПб.: Дерпт, 1891. 106 с.
7. Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2. С. 44-59.
8. Дамбаров С.Д. Основания возникновения и объекты кондикционных обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 231 с.
9. Климович А.В. Кондикционные обязательства в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 246 с.
10. Кушхов Р.А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с другими гражданско-правовыми требованиями о возврате имущества: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 182 с.
11. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 416 с.
12. Петражицкий Л.И. Иски о «незаконном обогащении» (к характеристике современной юриспруденции) // Вестник права. 1900. № 1. С. 30-37.
13. Рясенцев В.А. Советское гражданское право: учебник / под общ. ред. В.А. Рясенцева. М: Юрид. лит., 1965. 687 с.

14. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II: Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев: Прогресс, 1918. 568 с.
15. Советское гражданское право / отв. ред. О.С. Иоффе. Ю.К. Толстой. Б.Б. Черепахин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 987 с.
16. Советское гражданское право: учебник / под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1985. 544 с.
17. Соломина Н.Г. Универсальность кондикционного обязательства в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 339 с.
18. Спирина Т.В. Обязательства из неосновательного обогащения: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 224 с.
19. Ушивцева Д.А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: вопросы теории и практики. Тюмень: Издательский Дом «Слово», 2006. 296 с.
20. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Юрайт, 2020. 148 с.
21. Шестакова Л.С. Основные условия и этапы возникновения кондикционных обязательств в российском гражданском законодательстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 4. С. 100-105.

REFERENCES (TRASLITERATED)

1. Anchishina E.A. Objazatel'stva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashhenija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Izhevsk, 2010. 185 s.
2. Bylkov V.V. Problemy pravootnoshenij, vznikajushhijh vsledstvie neosnovatel'nogo obogashhenija: dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D. 2004. 211 s.
3. Vinaver A.M. Neosnovatel'noe obogashhenie i st. 147 GK RSFSR // Pravo i zhizn'. 1925. № 1. S. 36-41.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.01.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410.
5. Grazhdanskij kodeks RSFSR ot 11.11.1922 // Sobranie uzakonij i rasporjazhenij Rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva. № 71. (Utratil silu).
6. Grimm D.D. Ocherki po ucheniju ob obogashhenii. SPb.: Derpt, 1891. 106 s.
7. Gurchich M.A. Institut neosnovatel'nogo obogashhenija v ego osnovnyh chertah po grazhdanskomu kodeksu RSFSR // Sovetskoe pravo. 1925. № 2. S. 44-59.
8. Dambarov S.D. Osnovaniya vzniknovenija i ob'ekty kondikcionnyh objazatel'stv: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. 231 s.
9. Klimovich A.V. Kondicionnye objazatel'stva v grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2002. 246 s.
10. Kushhov R.A. Sootnoshenie trebovanij iz neosnovatel'nogo obogashhenija s drugimi grazhdansko-pravovymi trebovanijami o vozvrate imushhestva: teorija i praktika: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 182 s.
11. Novak D.V. Neosnovatel'noe obogashhenie v grazhdanskom prave. M.: Statut, 2010. 416 s.
12. Petrazhickij L.I. Iski o «nezakonnom obogashhenii» (k karakteristike sovremennoj jurisprudencii) // Vestnik prava. 1900. № 1. S. 30-37.
13. Rjasencev V.A. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod obshh. red. V.A. Rjasenceva. M: Jurid. lit., 1965. 687 s.
14. Sinajskij V.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. Vypusk II: Objazatel'stvennoe, semejnoe i nasledstvennoe pravo. Kiev: Progress, 1918. 568 s.
15. Sovetskoe grazhdanskoe pravo / отв. ред. О.С. Иоффе. Ю.К. Толстой. Б.Б. Черепехин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. 987 с.
16. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. O.A. Krasavchikova. M.: Vyssh. shk., 1985. 544s.
17. Solomina N.G. Universal'nost' kondikcionnogo objazatel'stva v rossijskom grazhdanskom prave: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2009. 339 s.
18. Spirina T.V. Objazatel'stva iz neosnovatel'nogo obogashhenija: dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2005. 224 s.
19. Ushivceva D.A. Objazatel'stva vsledstvie neosnovatel'nogo obogashhenija: voprosy teorii i praktiki. Tjumen': Izdatel'skij Dom «Slovo», 2006. 296 s.

-
20. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 1. M.: Jurajt, 2020. 148 s.
 21. Shestakova L.S. Osnovnye uslovija i jetapy vzniknovenija kondicijnyh objazatel'stv v rossijskom grazhdanskom zakonodatel'stve // Juridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 4. S. 100-105.

Поступила в редакцию 15.05.2022.

Принята к публикации 20.05.2022.

Для цитирования:

Малькова Е.Г. Становление и развитие института неосновательного обогащения в российском гражданском праве: историко-правовое исследование // Гуманитарный научный вестник. 2022. №5. С. 160-168. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/05/Malkova.pdf>